

"Рыночное" и гражданское общество в России: инверсия приоритетов

Текущее десятилетие воплотило массу аналогий с судьбоносными событиями российской и мировой истории. По-видимому, не ошибусь, если скажу, что историки, исследующие период XIX в. — первых десятилетий XX в., с особой остротой ощутили возросшую актуальность и востребованность своей работы. Являясь сторонником интеграции всех трех заявленных в теме симпозиума подходов (столетие, десятилетие, год), рискну с этих позиций предложить точку зрения на события текущего десятилетия. В отличие от В.М.Межуева, обратившегося к теории конвергенции, буду оперировать другой категориальной системой — "коммерческое" и "гражданское" общество.

У нас устоялось и почти не вызывает возражений представление о равнозначности понятий "рыночное" (равно "коммерческое") общество и "гражданское" общество. Однако в реальной жизни это далеко не одно и то же.

Еще европейские просветители подчеркивали глубокую пропасть, разделяющую "коммерческое" и "гражданское" общество. Особый интерес в этом плане представляет идейное наследие видного мыслителя Шотландского просвещения XVIII в., историософа, социолога и экономиста Адама Фергюсона. За несколько лет до "Глазговских лекций" А.Смита он писал об опасности безудержной коммерциализации, которая ведет к атомизации и дезинтеграции, и, более того, может привести к крушению цивилизованного общества. Несмотря на малоизвестность его идей, сегодня они приобретают в России особую актуальность. Причина проста — в творчестве А.Фергюсона получили теоретическое осмысление сложные процессы интеграции Шотландии в более развитую общественную, экономическую и государственную систему Англии. В силу направленности своего творчества А.Фергюсон в большей степени теоретик "догоняющего развития", в отличие от своего соотечественника и современника А.Смита, выдвинувшего и обосновавшего основные постулаты развития "перегоняющего". Актуальность обращения к идеям А.Фергюсона видится прежде всего в том, что теоретики и практики современных российских реформ пытались и, несмотря на фатальные провалы, до сих пор не оставляют попыток применить принципы "перегоняющего развития" в "догоняющей" стране.

В число основных признаков гражданского общества (по А.Фергюсону) входят:

во-первых, *всенародные выборы*;

во-вторых, *взаимный контроль групп и слоев общества, ограничивающий их притязания на улучшение своего положения за счет других общественных стратов*;

в-третьих, *гражданский строй опирается на народную армию, состоящую из граждан, а не из наемников*;

в-четвертых, *для нормального функционирования гражданского строя необходимы механизмы предупреждения чрезмерного обогащения отдельных членов общества и недопущение резкого противопоставления их интересов общенациональным интересам*.

Легко заметить, что из четырех характеристик гражданского общества в современном российском обществе в той или иной мере реализуется только первая — всенародные выборы.

Рождение слоя "новых русских" наряду с массовым обнищанием и люмпенизацией населения, в том числе учителей, врачей, высокопрофессиональных научно-технических работников, свидетельствует о неоправданно высоком приоритете материальных интересов одних и чрезвычайной угнетенности элементарных человеческих прав других.

О процессе коммерциализации армии, постепенной утрате ею духа служения Отечеству свидетельствует расстрел в октябре 1993 г. символа свободы волеизъявления граждан — Белого Дома (судя по прессе, щедро оплаченный). Вспомним, в августе 1991 г. армия брталась с его защитниками. Сегодня же без труда можно привести бесчисленные свидетельства того, что масса военнослужащих все в большей степени ориентируется на служение "всеобщему эквиваленту", а не на исполнение гражданского долга.

Наконец, завершает образ коммерциализированного российского общества могущественный слой финансовой олигархии, взявшей под контроль не только управление основными финансовыми потоками, но и прибирающей к рукам средства массовой информации.

В совокупности все это наряду с участвовавшими случаями подкупа непосредственно самих избирателей и использованием других некорректных методов завоевывания голосов значительно обесценивает гражданско-правовое значение всенародных выборов. В конечном счете их функция сводится к легитимизации деструктивных процессов, характерных для "коммерческого" общества. В перспективе же возрастает угроза утраты этого едва ли не единственного реального основания гражданского общества в России и замены системы свободных выборов деспотией (термин А.Фергюсона).

Как нередко бывает, наибольшая опасность подстерегает общество там, где оно ее не видит, там, где отсутствует социальный

опыт и не выработан социальный иммунитет. В результате преобладание получает борьба с фантомным "призраком коммунизма". И наоборот, игнорируются реальные угрозы, исходящие от коммерциализации всех сфер общественной жизни, когда всепоглощающее стремление к прибыли подавляет все другие общественные интересы и начисто вытравляет гражданское сознание и основы нравственности у наиболее активной части общества.

Итак, то, что происходит в России в текущем десятилетии, можно определить в большей степени как становление "коммерческого", нежели гражданского общества. Чтобы прийти к такому заключению, не обязательно было дожидаться финансового обвала 17 августа 1998 г. Очередной кризис скорее подвел черту под одним из этапов эволюции России в направлении коммерциализации, чем предоставил недостающие материалы для суждений о сущности произошедших в стране с августа 1991 г. по август 1998 г. общественных изменений.

Было бы полезно проследить поэтапно процесс становления "коммерческого" общества в России. Сразу оговорюсь, что выделенные ниже этапы коммерциализации обрисованы схематично, с помощью опорных символов, без четких временных рамок.

Первый этап. "Программа 500 дней". Этап включил распад СССР и введение шоковой терапии. Произошел переход от острого товарного дефицита (одного из проявлений закручивавшейся в период перестройки инфляционной пружины) к классической гиперинфляции. Началась долларизация экономики и ваучерная приватизация

Второй этап. Финансовые пирамиды типа "МММ". На этом этапе произошло резкое расслоение общества и создание так называемого среднего класса. Сформировалось внутрироссийское рублевое пространство. Внутренний рынок получил насыщение за счет импортных товаров. Произошла подмена реальной производительной экономики виртуально-криминализованной системой получения коммерческих доходов.

Третий этап. ГКО. Создание финансовой пирамиды, хозяином которой явилось государство. Ее крах обусловил дальнейшее сокращение реального госбюджета, кризис "среднего класса" и некоторое усиление тенденций государственного регулирования экономики.

На сегодняшний день явно вырисовывается альтернатива — либо консервация и хроническое усугубление всех присущих "коммерческому" обществу болезней, либо движение в сторону гармонизации отношений личности, социальных слоев общества и государства, о чем подробнее говорилось в выступлении В.В.Шелухаева.

Сейчас, похоже, никто не собирается отстаивать выполнимость "Программы 500 дней", возможность ее реализации при определенных условиях. По-видимому, построение процветающего капиталистического общества ударными "социалистическими" темпами

(менее чем за полтора года) и у социализма же заимствованными методами директивного планирования изначально было нереально. Однако на рубеже 80—90-х годов предложенная в программе динамичная модель экономического развития, раскрепощенного от диктата государства, весьма привлекательно смотрелась на фоне неповоротливой махины советской плановой экономики. К сожалению, реальных результатов программы, несмотря на благие намерения разработчиков, хватило лишь на то, чтобы создать идеологические предпосылки перехода к "коммерческому" обществу.

На втором этапе незаметно для общества произошла смена парадигм развития. Большая ваучерно-пятисотдневная "идеологическая пирамида", приверженцы которой клятвенно обещали скорое процветание в некоем типе "народного капитализма", распалась на массу финансовых пирамид. Измученные перманентным товарным дефицитом советского варианта социализма, граждане легко доверились всплывшим из небытия глашатаям личного процветания эпохи первоначального накопления. Очертя голову они бросились решать как давно наболевшие, так и с невероятной легкостью переставшие казаться фантастикой проблемы (от покупки "шубы и сапог" до приобретения "дома в Париже"). Ввиду таких горизонтов потускнело и съезжилось обещание отцов приватизации сделать "народным" символ престижа при социализме автомобиль "Волгу". В условиях гиперинфляции, расцвета "челночной" торговли и невозможности инвестиций в производство воплощение идеалов построения капитализма с "человеческим лицом" утратило всякие перспективы. Начался спад промышленного и сельскохозяйственного производства, вывоз капиталов из страны, рост задолженности мировым финансовым структурам.

Как можно заключить, одним из главных приводных ремней ускоренной коммерциализации всех сторон жизни послужили "пирамиды". Пирамиды в прямом и переносном смысле, механизм которых состоял в вовлечении граждан и общества в целом в мероприятия сомнительные, малореальные, но сулящие легкий путь достижения западного уровня благосостояния.

Система "пирамид" оказалась идеальна для демонтажа советской системы, но неприспособленной к созданию основ гражданского общества. Высвободившееся из железных оков идеологии и плановой экономики социально-однородное советское общество в условиях продолжающегося воздействия все тех же монетаристских технологий дало чудовищные метастазы. Глубокий спад и стагнация промышленного и сельского производства, растущая в геометрической прогрессии угроза техногенных катастроф, расцвет организованной преступности и чрезвычайное обострение международных отношений — таков далеко не полный перечень проявления болезней "коммерческого" общества.

На Западе достаточно серьезно воспринимают опасность тотальной коммерциализации России. На это указывает, в частности, предпринимаемый западными благотворительными фондами и организациями широкий комплекс мер по развитию в стране некоммерческого сектора. Вместе с тем приходится констатировать, что внутри российского общества такое понимание крайне слабо и либеральные рыночные реформы по-прежнему ассоциируются с прямым путем к гражданскому обществу. Отсутствие понимания угрозы "варваризации" общества (термин А.Фергюсона) подтверждает и лозунг "Купленный товар обратно не принимается"¹, который предполагает взять на вооружение претендующий на победу в президентской гонке политик. Нисколько не смущаясь тем, что выражение заимствовано, похоже, из "Практического руководства по рыночной торговле", данному лозунгу уготована судьба стать квинтэссенцией гражданской позиции на предстоящих выборах. Симптоматично то, что наделенный чувством реальности авторитетный политик решился с этим лозунгом выйти к своему потенциальному электорату — представителям российских интеллектуалов. Такой шаг свидетельствует прежде всего о глубине поражения общественного сознания вирусом коммерциализации. Выборы в таком понимании — не акт гражданской самоидентификации личности и общества, а обычный торг.

Вначале избирателю внушалось — "Голосуй или проиграешь!", т.е. выборы — это всего лишь игра с призами и приятными сюрпризами, в них лучше участвовать, иначе окажешься на обочине жизни. Когда же избиратели-"игроки" вдруг обнаружили, что, несмотря на соблюдение правил игры, они все же проигрались вчистую, под угрозой находятся основные системы жизнеобеспечения общества, им предлагается сменить либеральные "правила игры" на более жесткие "правила торговли". Нет нужды доказывать, что такая замена генетически неспособна удержать общество от соскальзывания в трясины "коммерческого" общества.

Трагичность вновь предлагаемой "игры" в том, что избиратель ставится перед дилеммой — либо голосование за близкое и понятное семейно-личное благополучие, либо выбор в качестве приоритета общенациональных интересов и ценностей гражданского общества. Вместе с тем по мере усугубления финансовых, внутривнутриполитических, международных проблем неизбежно возрастает осознание невозможности отгородиться хрупким зонтиком домашнего благополучия от переживаемого страной кризиса (августовский 1998 г. обвал показал зависимость финансово-экономического и международного положения страны от, казалось бы, навсегда затерявшихся

---

¹ Из выступления Г.А.Явлинского — *Прим. ред.*

в оффшорных зонах криминально нажитых капиталов). Парадоксально, но представлявшаяся ранее абсолютно абстрактной логика общенациональных интересов с углублением кризисного развития общества все теснее сопрягается с повседневной жизнью граждан и законопослушных, и далеких от соблюдения законности и моральных норм.

Почему же апофеоз гражданственности в августе 1991 г. не послужил исходной точкой становления гражданского общества? Почему столь разителен контраст светлых надежд августа 1991 г. и глубокого пессимизма августа 1998 г.? Почему пламенные борцы с партийными привилегиями вдруг оказались заляпанными грязью служебных злоупотреблений, взяточничества и воровства? Почему стало возможным использование немислимых еще десять лет назад возможностей криминального обогащения? Почему государство, так и не став "ночным сторожем" процветающей либеральной экономики, вдруг превратилось в подобие обирающего встречных разбойника и поэтапно, неуклонно теряет доверие своих собственных граждан? Почему обыденными стали сообщения об убийствах банкиров и предпринимателей, депутатов и журналистов? Почему "дорога, ведущая к храму", вдруг уклонилась и привела к обрыву и хляби?

Все встанет на свои места, если вспомнить, что "повивальной бабкой" нового общества были монетаристы. Вкачавшие в экономику избыточное количество денежной массы, этого безусловно очень полезного (в гомеопатических дозах) лекарства, они получили грандиозный результат. Не выдержал и рухнул советский колосс. Но монетаристские эксперименты на этом не прекратились. Когда рассеялись поднявшиеся в воздух клубы пыли, глазам ошеломленного Мира вместо новорожденного демократического российского общества предстало пугающее, изможденное лихорадкой экономических кризисов криминально-коммерческое новообразование.

Череда кризисов в Азии, России, а теперь и в Латинской Америке показывают обреченность слепой ставки на заимствованные модели развития. Актуальнейшим образом звучат сегодня слова российского государственного деятеля Сергея Юльевича Витте, имя которого по праву может занимать место в одном ряду с именами таких европейских идеологов и практиков "догоняющего развития", как Фридрих Лист и Отто Бисмарк. В начале 80-х годов XIX в. С.Ю.Витте в одном из своих политико-экономических трудов писал: "До тех пор, пока русская жизнь не выработает своей *национальной* (разрядка С.Ю.Витте. — *И.С.*) экономики, основанной на особенностях русского грунта, до тех пор мы будем находиться в процессе шатания между различными модными учениями, увлекаясь поочередно то одним, то другим; до тех пор мы будем слышать из одних и тех же уст и читать на столбцах

одних и тех же органов логически несовместимые экономические суждения и проекты; до тех пор то, что создано вчера, будет считаться дурным завтра, и будет создаваться сегодня то, что уничтожено вчера; и понятно, что до тех пор мы не будем жить правильной экономической жизнью, а будем идти на буксире заграничных веяний и всяких спекуляций на счет народного благосостояния"¹.

От этих слов С.Ю.Витте не отказался и спустя три десятилетия, в конце своего жизненного пути.

В случае дальнейшего движения общества по пути коммерциализации со всей остротой на вопрос: "Куда идет Россия?.." звучит ответ: "В тартарары! В тартарары!" — это значит, к дальнейшей коммерциализации и дезинтеграции естественных монополий, медицины, образования и армии — всего того, что должно обеспечивать элементарные гражданские права, насущные потребности и интересы всех слоев населения. Всех, а не только тех его групп, которые по своему положению в общественной иерархии способны в условиях хаоса и неразберихи снимать сливки ничем не оправданных сверхдоходов на фоне прогрессирующего обнищания населения. А от противостояния экономических интересов недалеко и до вполне реальных "горячих" конфликтов. Поэтому не убеждает вывод о слабости протестного потенциала общества, сделанный в докладе Ю.А.Левады. Приведенные им данные о динамике состояния общественного мнения в период кризиса августа 1998 г. скорее свидетельствуют об обратном. Общество подошло к той опасной черте, за которой в случае резкого неуправляемого ухудшения уровня жизни возможны массовые выступления с непредсказуемыми последствиями. В условиях растущего одичания общества не исключается и перспектива образования на месте федерации непрерывно враждующих между собой и замиряющихся "удельных княжеств", некий возврат, спустя несколько веков, в эпоху феодальной раздробленности.

Суммируя высказывания Т.Шанина и В.П.Данилова, можно сказать: "Россия не уникальная страна". Но беспрецедентны происходящие в ней реформы. Закономерно было бы переформулировать несколько созерцательно звучащий девиз симпозиума в вопрос: "Куда *идти* России?.." Что делать, если, по выражению В.В.Журавлева, исторический поезд в направлении конвергенции ушел? Как преодолеть губительный для судеб России антагонизм между интересами личности, социальных групп и общества? По-видимому, не остается ничего более приемлемого, как любыми средствами, используя другие виды транспорта — пусть на телеге по проселочной дороге, — но перебраться с тупикового пути тотальной коммерциализации на магистраль, ведущую к гражданскому обществу.

¹ *Vitte С.Ю.* Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов. 3-е изд. СПб., 1910. С. 132.